

Густова Лариса Александровна,
Белорусский государственный университет культуры и искусств,
доцент кафедры белорусской и мировой художественной культуры,
кандидат искусствоведения;
докторант Белорусской государственной академии музыки

Трактовка византийского канона в белорусской певческой культуре православной традиции (XI-XVIII вв.)

В статье представлен процесс усвоения, интерпретации и реинтерпретации византийского литургического канона в белорусской певческой культуре православной традиции в XI-XVIII вв. и сделан вывод о том, что трансформация византийского канона в белорусской культуре привела к неизбежной унификации греко-католического богослужебно-певческого обряда XVIII в. с православным богослужением в XIX в.

Цель нашей работы — выявление особенностей трактовки византийского литургического певческого канона в белорусской певческой культуре XI-XVIII вв. Для статьи были использованы работы Л. Ф. Костюковец [5], Ю. В. Ясиновского [14] и Т. В. Антанович [1], посвященные исследованию белорусских рукописных нотолинейных ирмологионов (ирмолов); Т. В. Лихач [6], С. В. Морозовой [7], А. А. Суши [9], А. Наумова [15], посвященные исследованию различных аспектов униатской богослужебной культуры; Л. Щавинской и Ю. Лобынцева [13], В. Татарова [10], М. Демьяновича [4], посвященные исследованию традиционной богослужебной и бытовой религиозной культуры белорусов XVII-XIX вв.; Н. Д. Успенского [11] и Н. Серединой [8], посвященные древнерусскому периоду литургической певческой культуры; а также униатский сборник молитв и песен «Хлеб душе» [12], изданный в середине XIX в. и широко распространенный на территории Беларуси в православной среде, который в настоящее время хранится в Витебском историко-археологическом епархиальном кабинете. Для сокращения списка источников были использованы наши ранние работы, в которых нашли подробное освещение те или иные положения данной статьи.

Каноническая литургическая традиция в белорусской православной певческой культуре начала свое функционирование в конце X в.

За условную точку отсчета мы принимаем дату учреждения Полоцкой епархии в 992 г. Жанровый состав, содержание, исполнительская интерпретация богослужебных песнопений, которые исполнялись в ранний период православной церкви на белорусских землях, науке не известны. Однако мы полагаем, что белорусская богослужебная певческая культура в сер. XI — нач. XII в. уже функционировала, что подтверждает факт богослужения в честь освящения полоцкого кафедрального Софийского собора в 1055 г. (чин освящения храма по византийскому канону совершается непосредственно перед литургией); а также прибытие в Полоцк из Киево-Печерского монастыря святителя Мины, епископа Полоцкого (1105). Священнослужители, которые прибыли на белорусские земли вместе со святителем, несомненно, владели знаниями богослужебно-певческого устава, умением распевать богослужебные тексты на подобен и петь обиходными напевами неизменяемые песнопения литургии.

Мы полагаем, что так же, как и во всех древнерусских кафедральных соборах, в Софийском соборе совершались песенные последования по уставу Великой константинопольской церкви, для исполнения которых требовалось большое количество опытных певцов и многочисленный клир, а также богослужения монастырско-приходского типа, которые, по словам Н. Д. Успенского, возникли на основе слияния иноческого келейного правила с песенным последованием [1, с. 65]¹.

В XII в., когда в белорусских княжествах начали интенсивно основываться монастыри и возводиться храмы, возникла потребность в более простом уставном богослужении. Этим требованиям отвечал византийский Студийско-Алексиевский устав, введенный в Киево-Печерском монастыре преподобным Феодосием в 1062 г. и распространенный по всем древнерусским монастырям и епархиам. Богослужения, которые совершались по этому уставу, были просты в певческом отношении, не требовали искусных певцов и большого клира. Отметим, что в XII в. богослужения в белорусских церквях совершались на славянском языке, подтверждением чему служит

¹ Порядок богослужения по Студийско-Алексиевскому уставу был изложен в соборных чиновниках и монастырских обиходниках и предполагал отдельные отправления повечерия и полунощницы, а также отдельное служение Великой вечерни и полиелейной утрени.

открытая Н. Серегинной посвященная памяти преп. Евфросинии Полоцкой стихира «Придите, любомудрени», которая создана в XII в. [8].

К XV в. в монастырях и храмах Великого Княжества Литовского сложились локальные богослужебные традиции, которые воспринимались как «уставное правило» и самобытное явление православной религиозной жизни, отличались большой устойчивостью, особенно в монастырях. Православной певческой традицией являлись: свободная интерпретация богослужебных указаний Типикона (вольная трактовка репертуарного состава богослужения), приоритет чтения над вокальным исполнением песнопений, сокращение молитвословий, замена уставных певческих составов (например, при соборном служении вместо совместного пения всем присутствующим духовенством /соборно/ пели клиросами /«на две стороны», т. е. антифонно/) и т. д. [3, с. 237].

С XV в. в древнерусской православной церкви последовательно вводился Иерусалимский устав в его константинопольской редакции [11, с. 271]. Смена уставов сопровождалась слиянием старых и новых богослужебных порядков, т. е. «на местах» строгие уставные предписания варьировались или растворялись местными обычаями и привычками [3, с. 233]. Репертуар белорусских рукописных певческих котированных сборников (Ирмологий, Ирмолой, Ермалой или Ярмалой, как они назывались в белорусской традиции) XV-XVIII вв. [5, с. 149] дает представление об Иерусалимском уставе византийского литургического канона. Белорусские ирмолои построены по литургическому принципу, т. е. по порядку чинопоследования различных служб, и включают изменяемые песнопения всенощного бдения (гласовые и минейные), неизменяемые песнопения литургии, встречаются великопостные, пасхальные песнопения, подобны. Следовательно, белорусские ирмолои, сочетая в себе черты Октоиха, Минеи, Постной и Цветной Триоди и Подобника, дают представление о жанровом составе богослужебных певческих сборников, предусмотренных Иерусалимским уставом [5; 14]. Белорусские ирмолои являются памятниками древнерусской (древнебелорусской) православной певческой культуры. Несмотря на наличие письменной традиции, уставное богослужебное пение следующим поколениям транслировалось устным способом, который, как известно, является сильнейшим консервантом музыкального элемента. Классическими распевами белорусской православной церкви были столповой, киевский и болгарский [1].

Некоторые из белорусских нотированных ирмолоев, созданных в XVII-XVIII вв., принадлежали греко-католической церкви, но сохраняли уставные предписания византийского богослужебного канона и древнюю православную традиционную монодию². Греко-католическая церковь (с 1596 г.), декларируя сохранность византийской канонической литургической традиции, хранила ее почти без изменений на протяжении конца XVI — первой половины XVII в., хотя в целом ее не сохранила, что было обусловлено, как отмечал М. Демьянович, чужеродностью униатской культуры для сознания православных белорусов [4, с. 51].

Со второй половины XVII в. постепенно происходила полонизация и латинизация византийского богослужебного обряда и певческо-литургической практики, вследствие чего в недрах униатской церкви формировался синтез культур, который функционировал по принципу скорее взаимоисключения, чем диалога³.

Латинизация культуры, ее художественных форм привела к рождению нового художественного стиля в архитектуре, так называемого «виленского, или униатского, барокко». Музыкально-литургическая практика также ориентировалась на западноевропейскую модель, что привело к рождению нового стиля пения (партесного) и нового вокально-хорового жанра — барочного партесного концерта, к преобладанию композиций полифонического или гомофонно-гармонического склада, что зафиксировано в Ирмолое Супрасльского монастыря 1639 г. [6, с. 215] и певческих сборниках, в которых песнопения были изложены в партесном стиле [12, с. 141]. Т. Лихач выявила, что одним из элементов богослужения греко-католической церкви были полуфольклорные религиозные песни, которые пели прихожане [6, с. 214]. Отметим, что общинное литургическое пение не нашло развития в богослужебно-византийском певческом каноне;

² Чин богослужения греко-католической церкви, его музыкально-певческое наполнение должны были осуществляться в соответствии с византийским прототипом.

³ Столкновение православной оппозиции, которая исповедовала традицию и верность Константинополю, и обновленцев-униатов, которые тоже уважали старину, породили раскол в обществе, который выразился практикой гонений и изоляции православной части населения Великого Княжества Литовского.

напротив, латинский обряд такой вид литургической певческой практики культивировал достаточно широко.

Греко-католическая церковь предлагала своим прихожанам совершать утреннее и вечернее молитвенное правило с добавлением в привычный им православный уставной чин так называемых «набожных песен». Тексты этих песен имели ярко выраженный просветительский характер и представляли собой современный на тот период вариант псалмов. Распевались такие «набожные песни» на любую подходящую мелодию. В белорусской народной среде печатные униатские сборники молитв, в которых немалое место отводилось и «набожным песням», были распространены с конца XVII в. и по начало XX в. [11].

Одним из показателей отношения к византийскому литургическому канону стал богослужебный язык. В конце XVI в., для первых униатов Великого Княжества Литовского, авторитет церковнославянского языка являлся довольно высоким. А. Наумов на материале униатской гимнографии проследил процесс отхода от традиционного богослужебного церковнославянского языка. Тексты богослужения в память И. Кунцевича, составленные после его гибели, написаны в лучших традициях церковнославянского языка [15, с. 42]. А. Суша утверждает, что в конце XVI — первой половине XVII в. в православной богослужебной среде происходило мощное наступление польского и латинского языков, в результате чего вначале произошла демократизация богослужебного языка (его сближение с народным произношением в виде налетов просторечия, появления полонизмов), а затем — вытеснение церковнославянского из употребления [9, с. 32-33]. С. Морозова отмечает, что с XVII в. униатское церковное руководство, духовная интеллигенция и базилианское монашество все более использовали польский язык и латынь в богослужебном обиходе и в быту, а в XVIII — нач. XIX в. польский язык употребляли на всех уровнях униатской иерархической лестницы⁴ [7, с. 8]. В середине XVII — XVIII в. большинство униатских историков, теологов, филологов писали на латинском и польском языках; униатские

⁴ К XIX в. проповедь в униатских церквях произносилась только на польском языке, а если люди приветствовали друг друга на белорусском, то униатский священник говорил своим прихожанам, что это для него — «нож в сердце» [10, с. 277].

монахи-базилиане даже гордились перед белым духовенством своим неумением читать по-славянски [9, с. 33].

Несомненно, главным фактором в приоритете того или иного языка, определяющим направление богослужебной и обрядовой жизни, являются богослужебные книги. Униатское богослужение до Замоиского собора 1720 г. проводилось по старым, еще строго православным книгам [13, с. 12; 10, с. 259, 270-271]. Замоиский собор 1720 г. утвердил в униатской церкви католическую догматику и обряды и постановил печатать малый и великий катехизис (для духовенства) на «посполитой мове»⁵; было принято также решение издать единый для всех епархий требник на церковнославянском языке⁶. После Замоиского собора богослужение в униатских храмах совершалось по церковнославянским молитвенникам, в которые записывались и «набожные песни». Литургия служилась по рукописным тетрадам, в которых славянские слова были написаны латиницей [9, с. 33]. В. Татаров пишет, что к началу XIX в. в униатском богослужебном обиходе использовался так называемый «Богогласник» с «набожными песнями», в котором утверждались новые для православного сознания униатские догматы. «Богогласник», составленный и изданный монахами-базилианами, активно вытеснял православные богослужебно-певческие книги⁷ из приходского литургического обихода [10, с. 241, 243].

Несомненно, византийский литургический канон в белорусской певческой культуре православной традиции в XVIII в. претерпевал реинтерпретацию, о чем свидетельствуют некоторые богослужебные книги. Например, в Требниках, в чине таинства крещения, заклинательные молитвы перечеркивались как ненужные; вводились богослужебно-певческие циклы латинского обряда, например праздничный цикл Тела Господня⁸, служба священномученику Иосафату [10, с. 273];

⁵ Просторечной.

⁶ Лев Кишка (униатский митрополит, который создал Замоиский собор) в 1722 г. издал «Лексикон» — учебник со словарем для изучения церковнославянского языка.

⁷ Среди которых были Литургинон (Службник), Требник, Апостол [10, с. 273].

⁸ Эта праздничная служба изложена в сборнике «Апограф, или Слогчинный на праздник Тела Господня» [10, с. 273]. Шептание молитвы.

замечания и правки в богослужебном тексте делались на латинском и польском языках [10, с. 277].

Очевидно, что формальной отмены восточного канона в униатской церкви не было, но на деле он терял всякое значение. Многие в восточном богослужении униатскому духовенству казалось диким и неосновательным. Поэтому даже низшее духовенство считало себя вправе изменять, урезать, дополнять канонические тексты богослужений тем, что считали нужным. Этот факт является небывалым и страшным в истории христианства.

В маленьких приходских церквях базилианский «Богогласник» стал чуть ли не важнейшей богослужебной книгой, понятной и малограмотному духовенству, и народу. В. Татаров пишет, что народ привык к разным «рожанцам» и отпустам, «шептухам» или «тихой имше» [10, с. 276]. Происходило «касование» праздников, т. е. замена дней памяти восточных святых на дни памяти западных святых. Под влиянием римско-католического обряда появились и новые традиции — и мужчины, и женщины входили через царские врата иконостаса «уклякать» возле престола. Во время причастия прихожане стояли на коленях, и священник с чашей, подходя к каждому из них, должен был наклоняться [10, с. 276, 292].

Итак, наблюдая процесс усвоения, интерпретации и реинтерпретации византийского литургического канона в белорусской православной богослужебной певческой культуре XI-XVIII вв., можно сделать вывод о диалогичности различных традиций в ее недрах. Явная трансформация византийского литургического канона, музыкального и лексического элементов православного богослужения в условиях униатского храма привела к неизбежной унификации богослужебно-певческого греко-католического обряда с православным богослужением (в его петербургско-московской редакции XIX в.), что способствовало русификации белорусского общества, которая начала складываться с 30-х годов XIX в.

Литература

1. Антонович, Т. В. Песнопения болгарского роспева из белорусского Ирмолея квадратно-линейной нотации 091/283к (исторический и стилистический аспекты): дипломная работа.

2. *Густова, Л. А.* Музыкально-певческая культура Православной Церкви Беларуси / Л. А. Густова. — Минск: Бестпринт, 2006. — 169 с.

3. *Густова, Л.* Супрасльская редакция русскаго богаслужэбнага канона в первой половине XVI века / Л. Густова // Ученые записки Научно-исследовательского центра церковной музыки имени протоиерея Димитрия Разумовского. — М. : Моск. консерватория, 2008. — Вып. 5 : Устная и письменная трансмиссия церковно-певческой традиции: Восток — Русь — Запад / под ред. И. Е.Лозовой, Н. Г.Денисова. — С. 232-241. — (Гимнология).

4. *Демьянович, М. М.* О духовных стихах, употребительных в Брашевичском приходе Кобринского уезда / М. М. Демьянович. — Видьна : Губернская типография, 1892. — 59 е..

5. *Касцюкавец, Л. П.* Беларусі рукапісны ірмалой / Л. П. Касцюкавец // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: Новыя даследаванні : зб. арт. / Акад. навук БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэд. С. В. Марцэлеў. — Мінск : Навука і тэхніка, 1989. — С. 149-154.

6. *Ліхач, Т. У.* Музыкае мастацтва уніяцкай царквы у Беларусі / Т. У. Ліхач // Актуальныя праблемы сусветнай мастацкай культуры : мат-лы міжнароднага навукага канферэнса 25-26 сакавіка 2004 г. : в 2 ч. / рэдкал. : У. Д. Розенфельд (адг.рэдактар) і др. — Гродна, 2004. — Ч. 1. — 280 с.

7. *Морозова, С. В.* Уніяцкая царква у этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гады): аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / С. В. Марозова ; Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т гісторыі. — Мінск, 2002. — 46 с.

8. *Серегина, Н.* Стихиры Евфросинии Полоцкой / Н. С. Серегина // Песнопения русским святым : по материалам певческой книги IX-XIX вв. «Стихирарь месячный» / Н. С. Серегина ; М-во культуры РФ ; Рос. акад. наук ; Рос. ин-т истории искусств. — СПб., 1994. — С. 123-133.

9. *Суша, А. А.* Царкоўнаславянская мова ва ужытку уніяцкай царквы / А. А. Суша // Мовы Вялікага княства Літоўскага / над агул. рэд. М. М. Аляхновіча. — Брэст : Акадэмія, 2005. — С. 31-33.

10. *Татаров, В.* Историческое описание Киевецкой церкви Седлецкой губернии Вельского уезда / В. Татаров // Холмско-Варшавский епархиальный вестник, издаваемый при Холмско-Варшавской архиерейской кафедре: за 1879 г. — Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1879. — С. 239-244, 258-263, 269-277, 292-297.

11. *Успенский, Н. Д.* Православная вечерня : историко-литургический очерк. Чин Всенощного бдения на Православном Востоке и в Русской Церкви / Н. Д. Успенский. — М. : Издат. совет Русской Православной Церкви, 2004. — 480 с. — (Сер. «Литургическая библиотека»).

12. «Хлеб душе»: зборник молитов и набожных песен для русского народа / в переробце Александра Духновича. — Винтерберг : Изд-во Штейнбренера, 1837. — 383 с.

13. *Щавинская, Л.* Литература белорусов Польши (XV-XIX вв.) / Л. Щавинская, Ю. Лобынцев. — Минск, 2003. — 141 с.

14. *Ясіновський, Ю.* Українські та білоруські нотолінійні Ірмолої XVI-XVIII століть : кат. і кодик.-палеогр. дослід. / Ю. Яшовський. — Львів : Місіонер, 1996. - 622 с.

15. *Naumov, A.* Wiara i historia: z dziejow literatury cierkiewnoclowianskiej na zieniach polsko-litewskich / A. Naumov. — Krakow, 1996. — 215 s.

Summary

In the article is described a process of mastering, interpretation and a reinterpretation of the Byzantine liturgical canon in the Belorussian singing culture of orthodox tradition in XI-XVIII centuries.